

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2019.1.18.1

УДК 303.01; 325.14 | ББК 60.524; 66.3(2Рос),4

© Капицын В.М.

ЖИЗНЕСФЕРНЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

КАПИЦЫН ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Россия, 119992, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4

E-mail: kcp_12@mail.ru

Миграционная политика остается важнейшим направлением влияния на демографическую ситуацию в России. Эффективное регулирование потоков внешних и внутренних мигрантов помогает преодолевать нехватку рабочих рук в ряде регионов, остановить процесс «обезлюживания» отдельных российских территорий, снизить конфликтность отношений мигрантов с принимающими сообществами, укреплять национальную безопасность. Россия с ее разнообразием демографического и экономического развития регионов обладает значительной мигрантоемкостью для внешней миграции, сохраняет привлекательность для соотечественников за рубежом. Но проблема использования потенциала миграции как в России, так и во многих других государствах все больше замыкается на интеграционной способности регионов и мест. И особую роль для адаптации и интеграции внешних мигрантов играет политика идентичности. В статье анализируется авторский бизнесферный подход к адаптации и интеграции мигрантов, позволяющий всесторонне рассмотреть применение политики идентичности. Последняя может проникать во все сферы жизнедеятельности мигрантов, реализуя их потребности. В то же время политика идентичности направлена также на принимающее сообщество, которое в каждой из жизненных сфер проявляет свои интересы. Во-первых, в территориальной сфере мигранты адаптируются к природно-климатическим особенностям, путям сообщения, определяясь со своей «новой» и «старой» идентичностями относительно окружающей среды. Во-вторых, в естественно-антропологической сфере, где решаются проблемы жилищно-бытовые, экологии и здравоохранения, также определяется и корректируется идентичность мигрантов и «старожилов». В-третьих, в духовно-культур-

ной сфере идентификация позволяет учесть конфессиональные, моральные, художественно-культурные и иные терминальные ценности жителей, реализовать их потребности в образовании. В-четвертых, агентно-профессиональная сфера, являющаяся как источником доходов, так и каналом самореализации профессионалов играет важную роль в идентификации мигрантов и интеграции их с принимающим сообществом. Идентификационный метод в миграционной политике способен совершенствовать интеграционные процессы в данных жизненных сферах.

Демографическая политика, миграция, миграционная политика, идентичности, кризис идентичности, политика идентичности, жизненные сферы.

Основной целью и направлением деятельности государства, как было подчеркнуто в Послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 20.02.2019, становится достижение нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России. Россия вошла в очень сложный демографический период, когда задача сбережения народа стала особенно значимой [1]. Продолжают действовать такие факторы, как низкая рождаемость и высокая смертность населения, сказываются последствия сбоя социально-экономического развития страны в 1990-х – начале 2000-х гг., последствия слабой социальной политики на местах и на уровне государства в целом.

Для ряда европейских государств, от Италии до Норвегии, от Франции до стран Балтики, демографические и миграционные проблемы становятся ключевыми. Во многих западных странах иммигранты – ведущий источник пополнения рынка рабочих рук и улучшения демографической ситуации. В XXI веке все большее распространение получает образовательная иммиграция. Рост миграции населения отражает влияние глобализации и регионализации, роста интеграционных связей между государствами, ведущего к расширению обмена специалистами [2, с. 397].

Стало очевидным, что задачи демографического развития России в силу объективных (общей тенденции снижения рождаемости и безработицы) и субъективных (снижения мобильности населения, низкого уровня жизни

семей с детьми) причин не могут решаться только за счет внутренних ресурсов. Как показывает исторический опыт и современная практика, многое зависит от успешной миграционной политики. В XXI веке Россия остается одним из перекрестков оживленной международной миграции. По данным ООН, по количеству иммигрантов по итогам 2017 года Россия (11,65 млн чел.) уступала лишь США (49,78 млн чел.), Саудовской Аравии (12,19 млн чел.) и ФРГ (12,1 млн чел.) [3].

Об актуальности изучения миграционной политики свидетельствует также миграционный кризис в 2014–2015 гг. в ряде стран ЕС в связи с притоком беженцев Ближнего Востока и Африки. Согласно докладу МОМ, в 2015 году было зафиксировано самое крупное вынужденное перемещение населения после Второй мировой войны. Не удается существенно сократить поток нелегальной миграции даже в таких странах, как США, обладающих огромным опытом миграционной политики. Нарастание противоречий в ЕС в отношении единой миграционной стратегии стало одной из причин Брексита.

Для России миграционная политика приобретает особое звучание. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. отмечено, что такая политика может способствовать решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны. В 2012–2017 гг. миграционный приток компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики [4].

Миграционная политика имеет существенное значение для пространственного развития государства, состояния его отдельных территорий. В соответствии с Прогнозом долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, разработанным Минэкономразвития России, восточные регионы страны продолжают терять население. Мы имеем отрицательный миграционный прирост в Приволжском и Дальневосточном округах; минимальный положительный миграционный прирост в Сибирском округе обеспечивается за счет внешней миграции из стран СНГ. Продолжается процесс, который специалисты обозначили как «обезлюживание» территорий. К тому же низкая плотность российского населения в приграничных регионах обостряет проблему национальной безопасности и территориальной целостности государства.

Согласно Федеральному закону от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 31.12.2017), стратегия пространственного развития России предусматривает развитие регионов, способное поддерживать устойчивость системы расселения на всей территории. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года были особо подчеркнуты негативные процессы, а именно: возрастание демографической нагрузки на трудоспособное население в большинстве регионов, угроза ухудшения демографической ситуации (снижение рождаемости и уменьшение миграционного притока населения из ближнего зарубежья), существенное отставание межрегиональной и внутрирегиональной миграционной подвижности населения от средних значений, характерных для развитых стран, что приводит к возникновению проблем на региональных и внутрирегиональных рынках труда.

Значение последовательной миграционной политики растет также в силу того, что после распада СССР она осуществляет важные функции в сохранении «Русского мира»,

работу с соотечественниками, защиту и поддержку за рубежом тех, кого относят к этническим русским и всем народам, являющимся коренными. В гражданство России только в 2012–2017 гг. принято более 1 млн человек, из них 525 тыс. человек – в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом [4]. Кроме того, в многонациональной России при восстановлении статуса мировой державы миграционная политика стала одним из важных направлений, способствующих во внутренней политике успешной борьбе с экстремизмом, укреплению правопорядка и режима законности, помогающих противодействию международному терроризму, вызовам, создаваемым неконтролируемой миграцией, а в конечном счете, консолидации общества и совершенствованию национальной политики.

Актуализируется поиск новых миграционных стратегий, способных обеспечить эффективность политики государств и межгосударственных образований в сфере миграции. Такие модели миграционной политики, как изоляция, сегрегация, ассимиляция, селекция, а также программы мультикультурализма сыграли определенную роль. Стратегия ассимиляции, способствовавшая формированию американской нации, использовалась одновременно с политикой сегрегации и селекции. Селективный отбор, в частности, мигрантов, обладающих необходимой квалификацией, присущ и сегодня миграционной политике ряда стран. Очевидно, что возможна комбинация моделей и их элементов. Так и элементы политики мультикультурализма, по признанию многих европейских и российских политиков и экспертов, терпящей крах, также могут применяться в будущем.

В последние годы усиливается интерес к изучению модели интеграции. Несмотря на распространение множественного гражданства, трансграничной мобильности миграционных потоков, интеграция мигрантов в принимающем обществе становится

наиболее приемлемой. Модель интеграции рассматривается уже как неотъемлемый компонент современной миграционной политики. Появление определенной критики не меняет суть ситуации [5, с. 305–322]. Существенное преимущество интеграции в том, что она полнее учитывает потребности принимающего сообщества. Исследование ВЦИОМ 2016 года фиксирует, что присутствие значительного числа мигрантов в своих населенных пунктах ощущает 63% опрошенных россиян, при этом среди горожан эта доля почти вдвое выше, чем среди селян (70 против 46%). Только 37% россиян считает, что присутствие мигрантов позволяет сделать жизнь более разнообразной [6]. По опросам ВЦИОМ в феврале 2017 года, большинство россиян (71%) не поддерживает идею упрощения процедуры получения российского гражданства для мигрантов из стран СНГ; более трети выступает за ужесточение этих требований (36%); идею упрощения процедур поддержало только 19%, причем среди последних наибольшее количество 60-летних и старше (27%), имевших длительный опыт совместного сосуществования в едином советском государстве [7].

Поиск эффективных стратегий миграционной политики – сфера интереса экономистов, социологов, политологов, демографов, культурологов, психологов и др. Очевидно, что данная проблематика требует для своего анализа и междисциплинарного подхода. Представляется, что таковым может стать идентификационный метод, разработка и применение которого нашли свое отражение в специальной литературе [8; 9]. Непосредственно связи миграции и идентификационных процессов в России изучали А.В. Дмитриев, В.А. Малахов, В.И. Мукомель, Д.В. Пядухов, И.С. Семенов, В.А. Тишков, В.А. Колосов, И.М. Кузнецов, С.Н. Градировский, А.Е. Шапаров, Т.Н. Юдина и др. В частности, вопросы идентичностей мигрантов-мусульман и их интеграции в принимающих сообществах разрабатывают Б. Энтони, С. Бородай, С. Брюс, А.В. Веретевская, Т.Н. Грин, А. Захарченко, И.В. Кудряшова, Ш. МакЛу-

глин, С.Х. Наср, В. Тиби, Т. Рамадан, О. Рой, С.М. Хенкин. Взаимоотношение идентичности и иммиграции в условиях режимов, близких к либеральной демократии, рассмотрел, в частности, Фр. Фукуяма [10, с. 5–20]. А.В. Дмитриев и Г.В. Пядухов, рассматривая взаимодействие (в том числе, конфликтное) мигрантов с принимающими обществами, представляют эти общности не как безличную среду, а как совокупность связей и взаимодействий людей с их ценностями, потребностями, интересами, идентичностями [11, с. 49–56].

Как правило, при рассмотрении таких идентичностей основное внимание уделяется ментальности и культуре народа, которые являются родными для человека (фактор «крови») и формируются в местности, в которой он живет (фактор «почвы»). Мигранты, покидая свою малую Родину, приспосабливаются к идентичности принимающего сообщества, которая может значительно отличаться, прежде всего, в силу территориальных, природно-климатических, а также бытовых, языковых, культурных, экономических и других особенностей. В такой ситуации своеобразного столкновения идентичностей оказываются даже внутренние мигранты. По мнению Э. Гидденса, любой индивид в современном обществе в поисках своей идентичности разрешает четыре рода дилемм самоопределения. Это: «1) унификация и фрагментация; 2) беспомощность (отсутствие возможностей или их многообразия); 3) устойчивые авторитеты и самоопределение в условиях их отсутствия; 4) индивидуальный опыт или стандартизированное, уподобляемое товарному рынку поведение» [12, с. 187–201].

При интеграции, чтобы снизить идентификационный дискомфорт, иммигранты часто обретают двойную идентичность: публично стараются соответствовать идентичности принимающего сообщества, тем не менее сохраняя прирожденную идентичность в быту, общении с этнически близкими мигрантами (родной язык, национальная пища, обряды). Но интеграция может давать

сбои. Наглядная иллюстрация – территории компактного проживания иммигрантов в пригородах Парижа, где доминирует арабское население. В России также иногда формируются компактные поселки иммигрантов, например, узбеков, таджиков, киргизов в Подмосковье, Калужской, Челябинской областях. Пространственные характеристики России и асимметрия территориального размещения населения способствуют тому, что при компактном расселении и формировании локальной моноэтнической идентичности иммигрантов могут возникать проблемы политического характера. Миграционная политика, не способная учитывать процессы повседневной жизни, взаимовлияние идентификаций мигрантов и принимающего общества, не сможет нейтрализовать вызовы политической стабильности и целостности государства.

Анализ научной литературы, нормативных документов, в том числе актов международного права, данных социологических исследований, оценок экспертов приводит к выводу о необходимости более углубленного исследования переменных, характеризующих значение идентичностей для оптимизации миграционной политики. Как представляется, систематизация материала облегчается применением жизнесферного подхода, при котором, в свою очередь, расширяются объяснительные возможности идентификационного метода в сфере отношений мигрантов и принимающих сообществ. Такой подход основан на анализе жизнесферных направлений политики идентичности, что позволяет выявить и обосновать перспективы интеграции мигрантов в жизненных сферах принимающего общества.

Жизнесферный подход учитывает, что локальные идентичности формируются непосредственно в жизненных сферах, где происходит самоорганизация людей, основанная на ежедневном участии в повседневном самоопределении и идентификации. Здесь происходит обмен мнениями, выяснение взглядов, выработка общих установок

по поводу одних объектов (субъектов) наряду с противоречащими установками, индивидуальными и групповыми позициями.

Жизненные сферы дают опыт участия в постановке и решении повседневных задач, открывают определенные выходы на обсуждение проблем местного самоуправления и общения с территориальными органами федерального (национального) государственного управления, проблемы государственной политики, государственного и муниципального права. Фундаментальную потребность в самоорганизации люди неизбежно подкрепляют обоснованием своего участия в общественно-территориальном и местном самоуправлении, обсуждении значения государства для жизненных сфер.

Отдельные аспекты идентификации и самоорганизации в жизненных сферах человека рассматривались различными научными школами, обозначавшими области взаимодействия объективного и субъективного в разных сферах жизни и состояниях человека. Таковы размышления П. Бергера об идентичности, которую обычно именуют как «продукт взаимодействия идентификации и самоидентификации» [13, с. 88–89]. Это можно трактовать так, что человек социализируясь соотносит (отождествляет) определенные стороны внутреннего мира с объективными сторонами жизненных сфер, в процессе чего вырабатываются идентичности. У. Бронфенбреннер различал уровни организации социальной окружающей среды и их иерархичность, что влияло, по его мнению, на восприятие человеком мира и на самоопределение людей в нем [14]. Э.Г. Эрикссон говоря о социальных идентичностях характеризовал по существу некоторые сферы социальной идентификации человека [15, с. 177–178].

Как представляется, локальная идентификация человека происходит в процессе самоорганизации, формирующем жизненные сферы.

1. В территориальной сфере включенный в природный ландшафт и пути сообщения, человек определяется как существо (ко-

ренной или временный житель) с особенностями пространственного восприятия.

2. В естественной сфере индивид производит и реализует потребности в жилищно-бытовых условиях, поддержании рода и здоровья, семейных отношений.

3. В агентно-профессиональной сфере человек как производитель различных благ (источника доходов как первичного жизнеобеспечения) реализует возможности и способности профессиональной самореализации.

4. В духовно-культурной сфере человек как духовная личность обладает культурными ценностями и потребностями (образование, воспитание, отправление культов и др.).

Данные жизненные сферы и виды идентификации человека являются универсальными антропологическими константами (постоянными величинами), необходимыми для социализации и социальной идентификации человека любого сообщества, этноса, региона. Хотя по содержанию и осознанию этого содержания многие народы, тем более отдельные социальные и национальные группы, существенно различаются именно наполнением этих сфер.

Такие сферы жизнесферной самоорганизации человека могут быть рассмотрены как относительно самостоятельные социально-когнитивные подсистемы общества, которые воздействуют на сознание и ментальность индивидов, групп, народов. Человек идентифицируется, осознавая себя частицей (компонентом) определенной жизненной сферы общества. В свое время М. Янг писал: «Земля рождает касты, а машина – классы» [16, с. 324]. По мнению социологов, из всех условий жизнедеятельности наиболее значимы для социальных представлений местожительство (тип поселения) и сфера занятости [17, с. 69]. Соответственно таким сферам формируются жизнесферные сообщества, помогающие закреплять жизнесферные идентичности. В процессе идентификации создаются установки и ориентации человека, концентрирующие опыт участия в жизнесферных сообществах.

Идентификация мигранта, как и других людей, структурируется по этим сферам, даже если он меняет кардинально свое место пребывания (жительства). Соответственно, в ходе своей самоорганизации он идентифицирует себя как территориальное существо, естественного (социобиологического) индивида, духовную личность и деятельного агент-профессионала, воспроизводя и поддерживая определенные ценности (инструментальные и терминальные). Если к первым относятся удовольствие, быт, карьера, то ко вторым – достоинство человека в его экзистенциальных проявлениях в связи с природой, жизнью, любовью, дружбой, здоровьем, семьей, нравственностью, образованием, религией, трудом.

Ни одна миграционная модель не в состоянии полностью учесть интересы всех субъектов такого процесса. Динамика политической, экономической и социокультурной ситуаций в принимающих и посылающих странах в целом и на их отдельных территориях обуславливает динамизм интересов субъектов. Но миграционная политика и политика идентичности для того и формируются, чтобы согласовывать интересы разных групп населения. Жизнесферный подход и идентификационный метод являются необходимым подспорьем в решении таких вопросов.

Жизнесферный подход, позволяя систематизировать формирующиеся у мигранта идентичности в основных сферах его жизнедеятельности, формирует понимание комплексного характера интеграции. Миграционная политика может опираться на политику идентичности как комплекс мер в основных жизненных сферах, направленных на адаптацию и интеграцию мигрантов с учетом их инструментальных и терминальных ценностей, а также ценностей принимающего сообщества. Соответственно, политика идентичности в большей степени, чем другие виды политики, приближена к повседневной жизни (жизненным сферам) принимающих сообществ, проходящих свой путь в понимании природы взаимодействия,

необходимости сохранения местной идентичности с учетом идентификации мигрантов. Без этого серьезно затрудняется консолидация обществ. Более того, необходимо также изучение идентичностей в сообществах, откуда исходят мигранты.

Анализ жизнесферного подхода к интеграции мигрантов целесообразно начать с территориально-пространственной сферы. Миграция как явление представляет собой, прежде всего, территориальное перемещение людей, которое может приобретать и массовый характер. Пространственные характеристики принимающих и посылающих сообществ (природа, протяженность территории, пути сообщения, границы) оказывают значительное влияние на социальную идентификацию людей. Идентификационный метод в территориально-пространственной сфере учитывает два аспекта: а) варианты расселения – компактное и дисперсное; б) дифференциацию территорий; каждая из них может иметь дополнительные предпочтения или ограничения, сложившиеся и установленные государством.

Территориальные особенности принимающих обществ имеют значение для формирования миграционных намерений. Скажем, в России мигранты выбирают, кроме Московского региона, Санкт-Петербурга, чаще всего три города: Сочи, Краснодар, Тюмень, причем первые два благодаря именно характеристикам территории [18; 19]. Тюмень, помимо высокого уровня жизни и хорошего благоустройства, территориально близко расположена к Северному Казахстану, откуда приезжает много трудовых и замещающих иммигрантов. Также на приграничных территориях более часто формируются стремления эмигрировать в соседнее государство, что объясняется в том числе территориальной доступностью и облегченным порядком прибытия. На Дальнем Востоке мигранты из КНР предпочитают ехать в Амурскую область, Хабаровский и Приморский край, и реже на Сахалин, который приграничным для КНР не является [20, с. 38–46]. Корейцы больше предпочитают Приморье и Сахалин.

Значение территориальной близости проявляется и относительно российско-казахского приграничья, что видно по Волгограду, Оренбургу, Саратову и др.

У специалистов по миграции появилось территориально-пространственное понятие «миграционные мосты» [21], т. е. устойчивые территориальные траектории международной миграции, например, Вьетнам – Россия, Украина – Россия, Узбекистан – Россия, Китай – Россия, Таджикистан – Россия и т. д. Подобные «мосты» связывают ФРГ с Турцией, а также с бывшими республиками СССР, откуда в упрощенном порядке принимались этнические немцы Сибири, Поволжья, Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Теперь эти «мосты» в некоторой мере поддерживаются, хотя и не очень значительной миграцией из ФРГ в Россию.

Политика идентичности предполагает внимание к пространственно-территориальному аспекту интеграции и в плане предотвращения формирования миграционных анклавов, особенно моноэтнических. Пока политике идентичности в сфере расселения не уделяется достаточного внимания, особенно относительно трудовых иммигрантов. Сохраняется мнение, что для трудовых мигрантов исключительное значение имеют только трудоустройство и оплата их труда.

Рассмотрим естественно-антропологическую сферу. Включаясь в принимающее сообщество, мигранты корректируют свою идентификацию, ориентируясь на референтную сферу, изменяя свою естественную («телесную») идентичность. Последняя формируется в соответствующей среде, где устанавливаются отношения родства, собственности, соседства, бытовые, коммуналные, гендерные, здравоохранительные. От рождения до смерти у человека складывается и изменяется телесная идентичность.

Человеку, в том числе мигранту, необходимы жилье и быт, чтобы восстанавливать жизненные силы, а также семья и продолжение рода. Такая сфера связана и с естественно-антропологическими потребностями и рисками (санитарно-гигиеническая обста-

новка, состояние здравоохранения, распространение наркомании и др.). Состояние данной сферы в значительной мере определяет привлекательность принимающего сообщества, влияет на демографию, а следовательно, определяет востребованность иммигрантов. Корректировка естественной идентичности влияет на адаптацию и интеграцию мигранта.

Состояние семьи, быта, здоровья и самочувствия людей, половозрастная структура населения в конкретном сообществе выражаются в совокупном результате – социально-демографической ситуации. Возникает своеобразная «цепная реакция», отражающаяся в том числе на общих брачных ожиданиях поколений: желании создавать и сохранять семью, репродуктивной ориентации. Если данная жизненная сфера деградирует, это оказывает влияние (вместе с экологией, состоянием образования и трудоустройства) на отток населения в другие места с более благополучной естественно-антропологической инфраструктурой. Демографическая ситуация в конечном итоге суммирует все эти риски, соответственно, влияет на идентификацию и интеграцию мигрантов.

Естественная («телесная») идентичность мигрантов и в принимающем сообществе стремится к воспроизводству, в той или иной мере перенося в него традиции отправляющих сообществ. Желание создать дом, как у себя на родине, найти земляков настойчиво ищет своего воплощения, если появляются подходящие условия на новом месте. Это помогает выживать и даже становиться успешным на новом месте.

Если естественно-антропологическая сфера окажется более гостеприимной, то будет приезжать больше мигрантов, которые, идентифицируя себя с «местными» и интегрируясь в принимающем обществе, способны поддерживать и даже повышать качество населения. Некомфортность в отношениях с «местными» в зависимости от обстоятельств ведет к тому, что мигранты в одних случаях, рискуя подорвать свое здоровье, не задер-

живаются в данном месте, в других – преобразовывают эту среду по своим усмотрениям. Необходимы определенные стандарты обеспечения жилищных условий (резервное муниципальное жилье, благоустроенные общежития, фонд земли и ссуды для строительства жилья), санитарно-гигиенических условий и медицинских услуг. Все это влияет на привлекательность региона (страны) пребывания. Нельзя не отметить, что ряд направлений государственной политики, сформулированных в Послании Президента России от 20 февраля 2019 года, направлен на решение проблем в данных сферах.

Агентно-профессиональная жизненная сфера обеспечивает важную составляющую идентификации. По мнению выдающегося социолога П.А. Сорокина, профессия, профессиональные акты «поистине преобразуют человека по своему образу и подобию»; «каждый человек штампуется его профессией согласно образу и подобию последней» [22, с. 345, 348]. Для мигранта же профессия приобретает особое значение в адаптации и интеграции, тем более если целью его переселения становится поиск такой профессиональной деятельности, которая наиболее полно отвечала бы его жизненным целям. Это характерно не только для трудовых мигрантов; удачное трудоустройство играет важную роль также для замещающих мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев.

Агентная идентификация чрезвычайно важна для интеграции мигрантов: она способствует обретению достоинства производителей необходимых благ, профессионалов. Это важно не только для них, но и для принимающего сообщества. Нередко это сообщество для мигранта представлено прежде всего в лице работодателя и коллег по трудовому коллективу. Тяжелый удар по агентной идентичности наносят потеря работы и профессиональная невостребованность. Для мигрантов эта сфера дает не только возможность заработать, набраться профессионального опыта, но и опыт общения в профессиональной среде. Нередко именно работа, общение профессионалов

помогают быстрее осваивать новый язык, совершенствовать владение им.

От того, насколько успешно решены проблемы профессиональной занятости мигрантов, во многом зависит, как будут развиваться территориальная, естественная и культурная составляющие интеграции. Важны не только доходы трудящихся-мигрантов, но и то, каковы условия труда, сколько времени затрачивается на поездку к месту работы и обратно. Низкие доходы, тяжелые условия труда, отсутствие свободного времени – все это не способствует интеграции трудящихся-мигрантов.

Духовно-культурная сфера также серьезно влияет на идентификацию и интеграцию мигрантов. Соответственно, духовно-культурная идентификация предполагает инфраструктуру, обеспечивающую соответствующие потребности людей. Это – школы, храмы, библиотеки, дома культуры, кружки и клубы по интересам, художественные студии, музеи, галереи, национально-культурные ассоциации, праздники. Чтобы оптимально выбрать наиболее эффективные методы и формы интеграции мигрантов, следует учесть духовно-культурное состояние принимающего и отправляющего сообществ, самих мигрантов, возможной диаспоры. Данная жизненная сфера включает в себя отношения, основанные на терминальных ценностях (религия и культовые учреждения, произведения литературы и искусства, моральные устои, этические нормы поведения). Терминальные ценности не замкнуты на временных и второстепенных интересах; следование им фокусируется на взаимодействии духовно-культурных установок посылающего и принимающего сообществ в лице мигрантов и местного населения.

Чтобы вся эта инфраструктура обеспечила духовно-культурные потребности мигрантов, она должна способствовать двустороннему процессу вовлечения в свою орбиту. Мигрант стремится интегрироваться; местное сообщество способствует этому. Разумеется, экзамены для мигрантов (по языку, истории, конституции, законодательству)

не решают такой проблемы; они при нормальной организации только способствуют начальным ступеням адаптации с учетом возможностей мигрантов. Первостепенную роль в интеграции играют школы, куда ходят дети мигрантов. Проблемой остается и вовлечение в культурную жизнь принимающего сообщества взрослых иммигрантов.

При этом приходится разрешать ряд проблем. В принимающем обществе нередко формируются предпосылки мультикультурности, т. е. наряду с культурой автохтонов (местного населения) появляются культуры аллохтонов (иммигрантов). Культур аллохтонов может быть несколько (особенно в крупных городах, где возникает несколько мигрантских общин (диаспор)) со своими традициями и обычаями. Представители знаменитой чикагской школы социологов обнаружили и изучили явление «трансплантации в принимающее общество части отправляющего сообщества с нормативными образцами, поведенческим кодом, статусной системой» [23, с. 109].

Как могут соотноситься эти культуры? В идеале взаимодействие культур в принимающем сообществе строятся так, чтобы мигранты включались в культурную жизнь нового сообщества, перенимали его наиболее существенные традиции. Другими словами, должна идти существенная аккультурация мигрантов. Территориальная и естественно-антропологическая идентификация мигрантов дополняются духовной аккультурацией. Это – важнейшая предпосылка интеграции мигрантов в принимающее сообщество. При этом может формироваться двойная идентичность.

Нередко не обходится без обострения противоречий культур. Например, мигранты легче адаптируются на новом месте при помощи мигрантской общины, тактики «мигрантских сетей» («мигрантских цепей»), которые поддерживают отношения посылающего и принимающего сообществ. При этом усиление мигрантских сообществ (диаспор) может значительно ослаблять аккультурацию мигрантов.

Россия в аспекте аккультурации и интеграции в целом имеет огромное стартовое преимущество для мигрантов из государств – участников постсоветского пространства: благодаря общей истории языковая и культурная среда остается более благоприятной в нашей стране, чем в государствах дальнего зарубежья. Да и диалекты русского языка в России не так различаются, как, например, диалекты в Германии, Израиле, Италии. В основном в данные страны иммигрировали лица, плохо знающие языки принимающего сообщества. В СНГ и Балтии много этнических русских и коренных народов, хорошо говорящих на русском; там до сих пор его еще изучают, хотя и не в таких объемах, чем раньше. Правда, социологи отметили и такой миграционный вызов: иммиграция в Россию становится все более культурно далекой для принимающих сообществ [24, с. 30]. Для молодых мигрантов, в том числе из стран СНГ (Таджикистана, Узбекистана), а тем более для афганцев, китайцев, вьетнамцев, помощь в изучении языка бывает остро необходимой и должна оказываться на определенных льготных условиях, особенно если эти иммигранты приглашены в Россию. Эту помощь целесообразно начинать оказывать уже в посылках обществ: в консульствах и посольствах России, миграционных трудовых биржах, русскоязычных школах и вузах.

Для иммигрантов духовно-культурная сфера диаспоры может быть чрезвычайно важна, потому что поддержка духовных ценностей и достоинств позволяет успешнее переживать трудные времена. Оказавшись в стране пребывания (проживания), мигранты не могут сразу идентифицироваться в новой территориальной, естественно-антропологической и профессиональной среде. И нередко именно духовно-культурная идентификация (общие культурные образцы) выражает общность судьбы, готовность помогать друг другу и переносить трудности. Об этом пишут, например, исследователи инокультурной миграции во Франции, где очень много мусульман из Алжира, Туниса, Марокко, Турции [25].

Принимающее сообщество, в свою очередь, стремится сохранить свою духовно-культурную идентичность, уважение к языку, религии, культурным ценностям. Не случайно С.Л. Рубинштейн, комментируя Гадамера, заметил, что на конкретном языке говорит не «Я», а говорим «Мы» [26, с. 273]. Другими словами, язык и речь конкретного человека реализуются только в пространстве сообщества, за которым стоит культурная традиция общения. Мигрантам, в том числе их детям, необходимо воспринимать и принимать новый язык в единстве с новой культурой, новыми ценностями, которые в чем-то могут противоречить их традиционным ценностям и нормам. Приходится перестраиваться, чтобы в той или иной степени принять новую духовно-культурную идентичность.

Состояние аккультурации мигрантов – ключевой показатель успешности миграционной политики в целом, свидетельство значимого результата. И тут наряду с культурной дистанцией, технологиями важны духовно-культурная идентичность и в целом социальная сплоченность принимающего сообщества. «Проблематику социального включения мигрантов, – справедливо замечает В.С. Малахов, – нельзя рассматривать в отрыве от проблематики национальной интеграции (т. е. сплоченности, коллективной солидарности принимающего общества). Прежде чем ставить вопрос об «интеграции мигрантов», необходимо задаться вопросом о том, насколько «интегрированным» является само общество, интегрироваться в которое должны мигранты» [27, с. 7]. В России довольно высок уровень социальной поляризации, что стимулирует взаимное недоверие различных слоев и групп населения. А это способствует социальной напряженности, а также и ксенофобии как бытовой, стихийной, так и направляемой определенными силами против мигрантов, что тормозит интеграцию.

Миграционная политика способна придавать миграционным процессам все более управляемый характер. В связи с этим усиливается значение принимаемых мер, направленных на последовательную реа-

лизацию интеграционных программ в принимающих сообществах. Использование жизнесферного подхода показывает необходимость реализации комплекса мер для обустройства как мигрантов, так и принимающих сообществ. В свое время Н. Саркози сказал, что европейские политики были озабочены обустройством мигрантов, но забыли о тех, кто давно живет в Европе (старожильческом населении, коренных европейцах) [28]. Довольно продолжительные выступления «желтых жилетов» во Франции, Брекзит, миграционные кризисы, периодически охватывающие разные государства, подтверждают необходимость оптимизации миграционной политики.

Исследователи обращают внимание на настроения населения в регионах и местных сообществах России, в том числе проявления ксенофобии и расизма, на реальное поведение, способное приобрести характер дискриминации в отношении мигрантов. По опросам социологов, 57% россиян высказываются против притока мигрантов в Россию и не желают видеть любых переселенцев из-за границы в качестве своих соседей. А многие из них, даже те, кто не против прибытия мигрантов в Россию, не поддерживают их интеграцию в российское общество [29, с. 378].

Все это, как подчеркивается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, в конечном итоге влияет на обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, совершенствование миграционного учета, обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов, чтобы нейтрализовать риски для национальной безопасности государства.

Социологические исследования показывают, что кое-где проявляются контуры не свойственной для России модели – сегрегированных сообществ, несовместимых с

конституционными основами, не имеющих исторической перспективы. Реально возникает проблема культурной исключенности (эксклюзии) мигрантов. В частности, отсутствие доступа к культуре принимающих сообществ, культуре России в целом способствует изоляции иноэтничных мигрантов [30, с. 22]. В России в отличие от западных стран сложилась своеобразная политическая культура с иными представлениями о приличиях в публичной сфере, в публикациях СМИ и действиях властей, о репутации и ответственности как личности (особенно человека публичного), так и социального института. Необходимо ограждать Россию от мигрантофобии, формировать всеобщую поддержку политике интеграции мигрантов [31, с. 164].

В Постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы» отмечено заметное снижение культурно-образовательного уровня населения России. На состоянии каждого конкретного принимающего сообщества сказываются недостатки как общей политики идентичности, так и соответствующих направлений работы с мигрантами и местным населением. Одним из основных направлений должно стать просвещение принимающих сообществ. Настороженное отношение к внешним, а иногда и к внутренним, российским мигрантам часто объясняется незнанием культуры и традиций приезжих. Возникающий когнитивный диссонанс вызывает негативную реакцию. И обратное явление – отсутствие знаний о культуре и традициях россиян у значительной части инокультурных мигрантов – затрудняет их адаптацию и интеграцию [32, с. 17–18].

Просветительская работа имеет разноплановый характер. Основная задача – предоставление мигрантам и посылающим сообществам необходимых знаний о принимающих сообществах. Более того, такое знание часто помогает легализации мигрантов. Данная работа хоть и в недостаточных объемах, но ведется. Просвещение

же принимающих сообществ остается скорее редким исключением. Одно из важных условий интеграции мигрантов – обстоятельное разъяснение прав и обязанностей «сторон», ответственности за нарушение законодательства, необходимое для того, чтобы не вызывать эффект, подобный тому, что последовал после заявления А. Меркель в Бундестаге «Wir schaffen das!» 31 августа 2015 года, стимулировавшего небывалый поток беженцев в Германию и расколовшего страну [33].

Таким образом, жизнесферный подход помогает вырабатывать возможность оптимального взаимодействия идентичностей мигрантов с коллективной идентичностью принимающих сообществ, способствующего адаптации и интеграции мигрантов в данных сообществах. Он позволяет сформулировать основные требования к миграционной политике и политике идентичности в России:

а) стимулирование поиска путей к сохранению (обновлению) «объединяющей» национальной идентичности государств, инклюзирующей идентичности иммигрантов, что предполагает активизацию политики идентичности на уровне Российской Федерации, ее субъектов, муниципалитетов, институтов гражданского общества;

б) способствование созданию институтов, контролируемых государством, муниципалитетами, НКО и диаспорами, учитывающих жизнесферные территориальные, «телесные», духовно-культурные, агентные особенности идентификации мигрантов и принимающих сообществ;

в) помощь инокультурным мигрантам и их сообществам в сохранении своей культурной идентичности при условии участия их в поддержке национальной «объединяющей» идентичности России;

г) обеспечение формирования набора интеграционных жизнесферных технологий, позволяющих избегать негативных послед-

ствий «закрытой» идентификации мигрантов, ведущих к образованию территориальных этнических анклавов и культурной изоляции мигрантов;

д) продвижение при необходимости инициатив мигрантов к формированию «двойной» идентичности с помощью диаспор, муниципалитетов, культурных объединений, мероприятий, укрепляющих взаимодействие культурных идентичностей жителей мест, не препятствующих доминированию объединяющей российской идентичности, инклюзирующей локальные идентичности муниципальных образований;

е) продвижение инициатив и институтов, способствующих оптимальному сосуществованию и сотрудничеству принимающих и посылающих государств и местных сообществ, способствующих взаимному уважению их национальных («объединяющих») идентичностей;

ж) повышение роли муниципалитетов, диаспор, землячеств в обеспечении сотрудничества мигрантов и местных жителей, интеграции мигрантов в принимающих сообществах.

Политика идентичности представляет собой последовательное и целенаправленное управление идентификационными процессами в сообществах и государствах. Миграционная политика, составляющими которой выступает политика идентичности и жизнесферный подход, способствует укреплению объединяющей российской идентичности, минимизации последствий «войн за идентичность», попыток использовать миграцию как ресурс «цветных» революций и «гибридных» войн. Миграционная политика стремится влиять на интеграцию мигрантов как многофакторный процесс, в который вовлечены действия, сознание, подсознание, чувства и ожидания самих мигрантов, принимающих и посылающих сообществ при участии государств, муниципалитетов, НКО, диаспор, землячеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февр. 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>
2. *Istanbul Programme of Action for the LDCs (2011–2020): Monitoring Deliverables, Tracking Progress – Analytical Perspectives*. London: Commonwealth Secretariat, 2014, 503 p.
3. Рейтинг стран по количеству мигрантов. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/immigrant-population>
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: утв. Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>
5. Филиппова Е. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности. М.: Дело, 2016. С. 305–322.
6. Мигранты в России: эффекты присутствия // Пресс-выпуск № 3254. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115969>
7. Иммигранты из стран СНГ в Россию: любим, но... Не ждем! // Пресс-выпуск № 3304. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116061>
8. Волох В.А. Формирование и реализация государственной миграционной политики Российской Федерации: состояние, тенденции, пути оптимизации: дис. ... докт. полит. наук. М., 2013. 354 с.
9. Миграция в России. 2000–2012: хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И.С. Иванова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013.
10. Fukuyama Fr. Identity, Immigration, and Liberal Democracy. *Journal of Democracy*, 2006, vol. 17, no. 21, pp. 5–20. DOI: 10.15838/sa.2019.1.18.1
11. Дмитриев А.В., Пядухов Г.В. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности // СОЦИС. 2013. № 5. С. 49–56.
12. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991, pp. 187–201.
13. Бергер П.Л., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 25–398.
14. Bronfenbrenner U. *The ecology of human development*. Cambridge, Massachusetts & London: Harvard University Press, 1979, 330 p.
15. Erikson E.H. *Identitat und Lebenszyklus*. Fr. am Main, 1980, 243 p.
16. Янг М. Возвышение меритократии. 1870–2033 гг. // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 317–346.
17. Попова И.М. Социальные представления в обыденном сознании // СОЦИС. 1991. № 11. С. 66–76.
18. Тихонов С. Тюмень: новая ветвь миграции // Эксперт. 2019. № 6 (1106). С. 13.
19. Тихонов С. Центр притяжения номер один // Эксперт. 2018. № 43 (1094). С. 8.
20. Коньков Т.А. Проблема интеграции этнической миграции на Дальнем Востоке России и ее особенности в Сахалинской области // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 2 (67). С. 38–46.
21. Миграционные мосты в Евразии / под ред. С.В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2015. 499 с.
22. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
23. Сафонова М.А. Концепция функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // СОЦИС. 2012. № 5. С. 106–116.
24. Зайончковская Ж.А. Миграция в современной России // Миграция в России. 2000–2012: хрестоматия: в 3 т. Т. 1. М., 2013. С. 16–32.
25. Мирошникова Е. Религиозный фактор в иммиграционной политике Европейского Союза // Современная Европа. 2006. № 1. С. 61–74.
26. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
27. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетр. / гл. ред. И.С. Иванов. М.: Спецкнига, 2014. 24 с.

28. Шимов Я. Европа и ее «иностранцы» // Газета.ру. 2010. 8 сент. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2010/09/08_a_3417098.shtml
29. Сандугей А.Н. О роли Федеральной миграционной службы в проведении государственной информационной кампании, направленной на борьбу с ксенофобией и антимигрантскими настроениями // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. Минск: БГУФК, 2009. С. 377–384.
30. Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. М.: Спецкнига, 2013. 34 с.
31. Мукомель В. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства // Методология и методы изучения миграционных процессов. М.: АДАМАНТЪ, 2007. С. 142–170.
32. Елисафенко М.К. Многокультурная среда обитания // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 15–18.
33. Wittrock Ph. Was haben wir schon geschafft? *Spiegel-Online*, 31.08.2016. Available at: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/1110075.html>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». Россия, 119992, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4. E-mail: kcp_12@mail.ru. Тел.: +7(495) 939-58-04.

Капицын В.М.

THE LIFE SPHERE APPROACH IN THE FORMULATION AND IMPLEMENTATION OF MIGRATION POLICY

Migration policy remains the most important area of influence on the demographic situation in Russia. Efficient management of external and internal migrant flows helps overcome staff shortage in a number of regions, stop the depopulation process in certain Russian territories, reduce conflicts between migrants and host communities, and strengthen national security. Russia, with its diverse demographic and economic development of regions, is highly migrant-intensive for external migration and remains attractive for compatriots abroad. But the problem of using the migration potential both in Russia and in many other countries is increasingly focused on the integration capacity of regions and locations. Identity policy plays an important role in the adaptation and integration of external migrants. The article analyzes the author's life sphere approach to the adaptation and integration of migrants for a comprehensive review of application of the identity policy. The latter can penetrate into all spheres of migrants' life, realizing their needs. At the same time, the identity policy is also aimed at the host community, which in each of the life spheres shows its interests. First, in the territorial sphere, migrants adapt to natural and climatic features, ways of communication, determining their "new" and "old" identity with respect to the environment. Second, in the natural anthropologic sphere, where the problems of housing, environment and health are solved, the identity of migrants and long-term residents is also determined and corrected.

Third, in the cultural sphere, identification takes into account the confessional, moral, artistic, cultural and other terminal values of residents, realizes their needs in education. Fourth, the agent-professional sphere, which is both a source of income and a channel for self-realization of professionals, plays an important role in the identification of migrants and their integration with the host community. The identification method in migration policy is able to improve the integration processes in these life spheres.

Demographic policy, migration, migration policy, identities, identity crisis, identity policy, life spheres.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kapitsyn Vladimir Mikhailovich – Doctor of Political Science, Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”. 27, Lomonosov Avenue, Bld. 4, Moscow, 119992, Russian Federation. E-mail: kcp_12@mail.ru. Phone: +7(495) 939-58-04.